

С.А. Смирнов

АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

Памяти Вячеслава Леонидовича Глазычева

*«И создали две любви, два Града:
Град земной – любовь к себе до презрения к Богу,
и Град же небесный – любовь к Богу до презрения к себе».
De Civitate Dei.*

Блаженный Августин

Введение

О городе можно писать по-разному. По той простой причине, что город – это мир, в котором мы живем. Город – тело, в котором мы обитаем. Город – больше, чем поселение, имеющее границы. Город – некая онтологическая идея, через которую мы понимаем себя. Город имеет свое тело. Он имеет свою антропологию. Свою метафизику. Воплощением такого понимания города стала одна из последних работ Вячеслава Леонидовича Глазычева «Город без границ» [5]. Феномен экспансии города-региона очевиден: «Мир движется к тому, что все его население будет городским. Мир уже таков: природные заказники, заповедники, национальные парки будут, надо полагать увеличиваться в числе и размерах, но это происходит именно потому, что в их рекреационных возможностях все более заинтересованы те, чья основная деятельность осуществляется в городской среде. Курорт, санаторий, туристический кемпинг, альпинистский лагерь – все они представляют собой эманацию городской среды в природное царство» [5, с. 7]. В.Л. Глазычев список продолжает: феноменом города была в свое время и дача.

В.Л. Глазычев фиксирует мировой тренд, с которым эмпирическое сознание с трудом справляется: географический принцип выделения города при понимании его феномена играет все меньшую роль. Город все более понимается не как географическая единица, имеющая границы обитания, а как способ обитания, как некое существование, имеющее свои качественные признаки, содержательные критерии, по которым горожанин все менее отличается по принципу – живет ли он в пределах Садового кольца, в центре города или в пригороде, на даче. Все более становится понятным, что город и городское обитание – это определенный способ жизни и способ мысли.

Такое понимание было зафиксировано вообще-то давно. Но современная ситуация развития, включающая формирование открытого информационного пространства общения, интернет, мобильность и скорость, обострила спор вокруг того, что такое феномен города и городского образа жизни, что такое феномен города в категориях человека, то есть собственно антропология города в ее разных вариациях, включая и метафизику города, и понимание города как литературного персонажа.

Забегая вперед, скажем: в исходном культурном смысле город есть онтологическая идея собирания человека в единое целое, идея организации пространства обитания, включая как собственную человеческую телесность («храм души», тело как «обиталище души»), так и собственно внешние по отношению к индивиду формы телесности – формы среды (жилье, дороги, коммуникации). Город есть культурная, онтологически укоренная идея, не зависящая от исторических ареалов и среды обитания человека. Это означает, что эта идея, возможно, имеет собственную биогра-

фию и разные формы идентичности в различных исторических эпохах и географических ареалах, в том числе в Европе и России.

Какой может быть эта биография идеи Города? Не города как эмпирического объекта, не города как инженерного, проектно положенного комплекса сооружений, а Города как особой культурной формы, которая складывалась исторически, наряду с другими онтологическими идеями и культурными формами.

Судьба идеи Города в России

Идее города в России постоянно не везло. В.Л. Глазычев пишет, что города худо укоренились в России, а потому и с городской культурой у нас постоянные проблемы. В России развилась форма города-слободы, который по понятию как бы не совсем город.

Но с другой стороны формируется определенная среда обитания, в которой изыскиваются более адекватные культурным формам способы городской жизни (см. уникальную экспедицию, описанную В.Л. Глазычевым в «Глубинной России» по городам Поволжья [6]).

Городская культура понимается им как среда общения и общежития свободных граждан, в которых они обмениваются товарами и ценностями и участвуют в управлении сообществом [4]. Фактически, это то, что понимал Аристотель под политейей, жизнью сообща и причастностью к сообществу.

Гражданское общество и городское сообщество по сути своей взаимно выводимы друг из друга.

В таком случае, идея города в России до сих пор оформляется. Точнее город как гражданство и политейя. А вот город как община или город-храм, или город-резиденция, или город-крепость в России вполне укоренились.

Например, Петербург. Это каменный мешок-крепость, город-призрак. Это одновременно город-крепость и город-резиденция – для парадов, приемов, балов. Город музеев, дворцов, набережных, мостов. Город для придворной знати, типичный в этом смысле феодальный город. Город в принципе нежилой, не созданный для жизни в нем горожан. Этаким город-ловушка, в котором сходишь с ума (как герои русской литературы типа Федора Раскольникова у Ф.М. Достоевского или Евгения у А.С. Пушкина из поэмы «Медный всадник»).

Ю.М. Лотман писал, что Петербург – это не город, чтобы жить в нем, это город для представительства [15].

В этой связи собственно культурная форма города искала своего применения и преломления в других местах. И получилось так, что русская культура формировалась и развивалась отнюдь не в центре столичных городов, а в дачных зонах и усадьбах вокруг столичных городов. Русские поэты и философы творили у себя в усадьбах, изредка по сезонам наезжая в столицы, дабы пощеголять в свете своими новым творениями. И затем – опять «в деревню, в глушь, в Саратов!». Усадьба была сезонной городской квартирой. В Питере и Москве не пишется. Там, в салонах, читают стихи, пьют вино, ведут светские беседы, а до этого – в тиши, в глуши, в укромных местах, рождаются шедевры. Так в Болдино писал творения А.С. Пушкин. У тетки в деревне писал свои «Философические письма» П.Я. Чаадаев.

Отец П.А. Флоренский писал у себя в Лавре, дома, на кухне (для сравнения – Р. Декарт и И. Кант творили в маленьких европейских городках у себя в кабинетах). И. Кант писал свою «Критику чистого (!) разума» у себя в прокуренном кабинете. А о. П.А. Флоренский писал свою Антроподицею на чистом воздухе «на Маковце» в Сергиевом Посаде.

Что есть топос философа и поэта? Где рождается философия и поэзия? Варианты бывают разные:

В кабинете и за обедом в столовой у И. Канта.
На рынке и агоре в Афинах у Сократа.
На даче тетушки у П.Я. Чаадаева.
На холме Маковец у о. П.А. Флоренского.

Русская философия – это песня пространства и воли. Она не могла родиться в городских каменных мешках. В последних рождается смердяевщина, сила карамазовская. Там душа гибнет, и рождается подпольный человек, черт, с которым борется трагический герой, призывая на помощь свою Софию – мечту и любовь для обретения желанной свободы.

Я имею в виду метафизическую свободу, которая остается всегда открытой проблемой при всех режимах, которую А.С. Пушкин, «свободы сеятель пустынный», пытался взрастить, но «мирные народы» не взяли ее.

*«Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды,
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя,
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды,
...
К чему стадам дары свободы
Их должно резать или стричь
Наследство их рода в роды
Ярмо с грелушками, да бич».*

Отсюда – проблема подпольного человека и инквизитора, проблема трагическая, в которой и рождается русский трагический герой, попадающий в ситуацию: и убить нельзя, и не убить нельзя, и быть нельзя, и не быть нельзя. В этом трагизме «русский Гамлет» гибнет, на себе изживая излом истории.

В России тем самым наиболее адекватными метафизическими героями русской истории являются: либо Гамлет, преодолевающий излом мира на самом себе и бросающий вызов своему черному человеку, либо юродивый. Сильных Штольцев в России не любят. Но и Обломовы в ней не выживают [21].

Кто же строит российский город? На Западе его строят Штольцы. В России же – вечный культурный долгострой, поскольку Гамлеты и юродивые – плохие строители. Их город долго находится в строительных лесах, стены их города – покосившиеся, улочки кривые и грязные. Одно исключение – храмы. Город-храм в России всегда великолепен. Но строителей города-храма их же заказчики потом уничтожают.

Получается парадоксальная ситуация.

Мы имеем дело, пишет В.Л. Глазычев, с мало исследованным феноменом, из которого вырастает собственно русская культура от А.П. Чехова до «Мира искусства». В.Л. Глазычев объясняет это явление так: в русском городе (в обеих столицах – остальные русские города суть их копии, как при русских царях, так и в советское время), люди жили в казенно-придворном режиме, а на дачах-усадебках они же жили как свободные индивиды. Воздух усадьбы делал их свободными, а не воздух города-резиденции!

В.Л. Глазычев пишет: «Мир дачи есть мир добровольного временного соседства индивидов, что создает призрачный мир свободы досужего общения, самопроизвольного обмена ценностями» [4, с. 12].

Добавим к сказанному В.Л. Глазычевым. В советское время при Л.И. Брежнев городская интеллигенция ринулась застраивать огороды и дачи не только потому, что нечего было есть, не потому, что захотелось домашних солений и свежей зелени. Вкалывать на грядке и обсуждать в вольном стиле мировые проблемы оказалось гораздо приятнее и выгоднее, чем на казенном заводе или НИИ. Люди прятались не только на кухнях, но и на своих огородах.

Диссидентство и лучшие образцы литературы и философии рождались на этих дачах. В.Л. Глазычев фиксирует уникальную ситуацию: такая садово-огородная российская культура и есть интересный и уникальный гумус, в котором и рождается городская культурная жизнь, соединяющаяся с западными образцами формирования культурных центров, которые он также описал в образцах в своей «Урбанистике» [7].

Вот как забавно получается. Образцы русской философии и литературы рождались из иноязычной почвы. А сама русская философия не считается философией на Западе (как не считается русский город – городом). К русской литературе и философии западные интеллектуалы-путешественники тянутся как на экзотику, как на клубничку, дабы позабавиться и взять ее себе в коллекцию в качестве заморских игрушек. Но культурой данная культура не считается.

М.К. Мамардашвили писал, что З. Фрейд и Р. Музиль создали славу Вене, и что Вена стала местом бытия в культуре, поскольку в ней сосредоточился такой тонкий слой, культурная пленка, позволяющая преодолевать небытие [14].

Но такая пленка вырастает на своей почве. Навязывать западный образец города в России – все равно, что покрывать чернозем белой простыней. Западные либералы в России – это та самая белая простыня на черноземе. Она потому и беспочвенна и не укоренена в культуре, не заземлена.

С другой стороны, мы должны учитывать и корневой смысл роста западных городов. В чем причина такого роста? Западный город с его идеалами гуманизма и городского сообщества – это идеал человека желания.

Его воплощение – мегаллополисы, которые разрослись и стерли грань между городом и негородом. Они явились формой экспансии человека желания. Свобода, которую обретают горожане-бюргеры в городе – это свобода человека желания, который весь остальной мир рассматривает через призму потребления и использования, превращения в собственное сырье.

Именно эти свободные граждане осваивали Новый свет, сжигая деревни индейцев. Врата Бога стали вертепом, город-храм стал барахолкой и домом терпимости. Впрочем, Рим, символ Города, давно назван Вавилонской блудницей.

Частное предпринимательство свелось к потреблению и уничтожению среды, титанизм порождает тиранизм. Гуманизм Возрождения – это гимн человеку, бросающему вызов Богу и миру. Простой европеец-горожанин в Америке становится разбойником и убийцей, а христианскую веру он использует в качестве идеологии, оправдывающей уничтожение остального мира нелюдей.

Есть такой стереотип интеллигентов-западников. Они говорят, что вот американцы и европейцы следят за своей городской средой, что чистота европейских городов поражает. Но они забывают, эти западники, что свои отходы и заводы американцы и европейцы вывозят за границу, подальше, в Африку и Латинскую Америку. А теперь можно и в Россию.

Город как литературный герой

Город рождается сначала не в географическом месте. Прежде всего – он нерукотворенный храм души человеческой, храм личности. В ней он и находит свое пристанище. В этом смысле место города – не обязательно географически там, где есть

развитые магистрали и инфраструктуры. Город суть форма становления человеческой культуры.

Город – это определенная культурная идея, причем онтологическая, рамочная, конституирующая все остальное. Она кладется в основание всякого проектирования в качестве исходного, предельного замысла, идеала.

Это Врата Бога! Это рай, причем утерянный рай! Град Небесный, из которого человек изгнан.

Человек желая идет к этому раю долго и неуклюже, городит свои утопии, города-солнца и вавилонские башни. В результате у него получаются одни монстры, города-чудища.

В.В. Розанов писал в «Последних листях»: «В России так же жалеют человека, как трамвай жалеет человека, через которого он переехал. В России нечего кричать. Никто не услышит» [17].

В России человека не просто забыли (как чеховского Фирса). Его трамвай переехал. С точки зрения культуры город в России еще более нужен как культурная идея, поскольку город рождается не на Западе или на Востоке. Он рождается в культуре, точнее как культурная идея. Как идея соборности человека, идея собирания его в целостность, как аналог Храма Небесного. В этом смысле манифестацией города в России стала фактически русская литература. Литературные образы города суть зеркальные образы-формы города, в которых идея города была наиболее полно воплощена.

Это к вопросу о том, есть ли в России город. Есть, но он явлен не просто в камне. Он явлен в слове, в литературных текстах.

Ю.М. Лотман отмечал, что мы в своей мыслительной практике частенько применяем готовые идеи как формочки к живым явлениям. Мы берем одну модель как схему и прилепляем к городу, хотя он является живым организмом [15]. Но так поступают многие урбанисты. Они берут модель города, выработанную на историческом материале итальянских и немецких городов эпохи Возрождения и Нового времени, или модели мегаллополисов США и Японии, и применяют их к иной исторической территории. В результате чего делают выводы: в России нет городов, в России не развито городское сообщество, в России не развито городское сознание. В.Л. Глазычев этого счастливо избежал. Он искал наиболее адекватные и применимые к России культурные формы городской жизни.

Город постоянно меняется, постоянно всгупает в конфликт с самим собой. Этот живой город преломляется в рефлексивном зеркале художественной формы, и в каждой форме он разный. Есть Петербург А.С. Пушкина, есть Петербург Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, Андрея Белого. Это все разный город.

Да, российские города – не города в классическом западном смысле. Но они и не созданы для жизни, для полноценного обитания в них человека, в котором бы раскрывались все его способности. Российский и советский город (соцгород) долго не являлся той средой, в которой бы творились культурные формы, в которой бы разворачивалась человеческая личность.

Наоборот, то, что мы привычно называем городом, в России стало местом уничтожения человека, каменным мешком-тюрьмой. Или казармой. Или царской резиденцией (далее – резиденцией генсеков и президентов, губернаторов и мэров). Или общагой при заводе.

Но он никогда не был местом культурного развития людей, в нем живущих, а соответственно, он сам никогда не был субъектом своего собственного развития!

Городу по понятию соответствовали (странное дело!) русские храмы и русские усадьбы! Именно по понятию! Поскольку в этих именно местах происходило соеди-

нение в одном индивиде двух храмов – Града Небесного и Града Земного. И в них сотворялось синергичное единение души и тела, Бога и человека.

Итак, проблема состоит не в том, есть в России город или нет его. Проблема в том, что есть город как культурная форма и в каком месте территории это понятие воцаряется. Именно воцаряется – становится царским, то есть – божественным.

В этом смысле я вынужден констатировать, что в России, как мне видится, во-первых, по-другому устроена органика порождения культурных форм, в том числе культурной формы города.

Во-вторых, город, как заметил Ю.М. Лотман, – это живой организм. Он постоянно меняется, принимая причудливые очертания, являясь нам в зазеркальных формах культурной рефлексии, через философские и художественные тексты.

К примеру, Санкт-Петербург – это город сугубо метафизический и мистический. К нему невозможно относиться не только как к эталону города (тем более эталону российского города). К нему нельзя относиться как к такому же эмпирическому городу, которых много на карте страны. Санкт-Петербург – это литературный персонаж, рожденный так же, как рождены образы Татьяны Лариной и Евгения Онегина. Он рождался вместе с рождением русской литературы, которая была формой рефлексии по поводу российской истории.

В нашем сознании посажен не столько реальный город (который, впрочем, всегда проблематичен), сколько его литературный образ. И этот образ – единственно возможный для нашего сознания способ понимания, ухватывания его как некоей целой и законченной формы, поскольку город как целое нельзя охватить эмпирическим зрением.

Художественный образ и философский миф или понятие – единственная оптика, через которую мы пытаемся понять онтологическую сущность культурной идеи по имени «город».

Но поскольку город надо было как-то понимать, схватывать и удерживать в своем узком сознании, постольку появляется русская литература на берегах Невы.

*«И был здесь город заложен
Назло надменному соседу...»*

Параллельно камню закладывалась основа русской культуры, русской литературы и философии.

Иосиф Бродский писал, что «русская литература здесь и родилась на берегах Невы». Причина этому была сугубо географическая – надо было встать на край света, чтобы посмотреть на себя со стороны. И тем самым «мыслящие люди того времени получили возможность взглянуть на самих себя и на народ как бы со стороны. Иными словами, этот город позволил им объективировать страну» [3, с. 80].

Но дальше происходит метаморфоз: тот, кто долго смотрится в зеркало, начинает впадать в зависимость от своего собственного отображения. Литературные образы как отображения Петербурга, вошли в российское сознание навсегда как реальные герои ее истории. Русская литература и Петербург сравнялись. Мы стали думать о Петербурге по текстам А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. И не только думать, но и поступать по жизни, соразмерять свою жизнь по сценариям, которые описаны в литературе. Для нас литературный персонаж стал являть некий образец и идеал, по которому можно и нужно сверять свою жизнь. Магия художественной формы забрала наши силы, и мы впали в зависимость от этой метафизической формы, которая была сама порождена городом-призраком.

Иосиф Бродский в этой связи отмечал: «К середине 19 столетия отражающий и отражение сливаются воедино: русская литература сравнялась с действительностью до такой степени, что когда теперь думаешь о Санкт-Петербурге, невозможно

отличить выдуманное от доподлинно существовавшего, что довольно-таки странно для места, которому всего лишь 275 лет. Современный гид покажет Вам здание Третьего отделения, где судили Достоевского, но также и дом, где персонаж Достоевского Раскольников зарубил старуху-процентщицу» [3, с. 81].

Итак, Петербург, самый, казалось бы, западный (не только географически, но и культурно) город России – не только не русский город. Но он и не западный город. Но, в дополнение ко всему, он еще и литературный персонаж, существующий лишь в нашем сознании – наряду с другими персонажами, наряду с Раскольниковым и Евгением Онегиным.

Исключением является, разве что, Царское Село, которое построено полностью по модели европейского города, но оно стало городом-музеем под открытым небом, городом-заповедником, замороженным на века.

Итак, культурная рамка, в которой были бы объяты все городские структуры, обретает реальные очертания. Рамка Города не лежит в том или ином месте обитания, которое привыкли называть городом. Эту рамку как метаидею можно удерживать в виде осознания формы душевной и духовной организации личности человека. Без этой рамки скопище жизненного материала тут же разваливается и становится кучей разлагающегося дерьма.

Рамка эта, идея Города, пролегает через сердце поэта и философа, которым нет места в эмпирическом городе.

Сократа в Афинах отравили, обвинив на агоре.

Христа в Иерусалиме распяли на Голгофе.

Но именно потому, что Адам вкусил в саду Эдемском запретный плод и утерял рай, и в него вселился человек желания.

То, что город должен стать *формой образования человека* – с этим спорить не имеет смысла. Безусловно, это так. Но при этом надо помнить, что город растет параллельно с образованием человеческой личности. Город и личность, два храма, растут друг через друга, постоянно оглядываясь друг на друга. Только в этом случае возможно говорить о выстраивании культурного пространства города. В противном случае он становится «желтым дьяволом».

Парадоксальность и сложность проблемы состоит в том, что такой культурный феномен, как город, с одной стороны, очень материален, вещественен, воплощен в камне и металле. Он телесен и брутален по отношению к отдельному индивиду. Человек живет в этом каменном чреве, забывая, что он в городе. Человек не держит, не понимает действительности города, как не понимает, к примеру, микроб того, что он живет в желудке человека. Людям даже кажется понятней действительность литературы, философии. Но действительность города своим каменным субстратом всегда обманывает людей.

С другой стороны, город – это виртуальная и даже эфемерная реальность, постоянно переживающая собственные метаморфозы в сознании человека. Она живет как некая идея.

На стыке города-камня и города-идеи и рождается в сознании человека культурная форма города.

В связи с поставленной задачей ответ на вопрос: в какой действительности лежит город и как возможен город? – лежит в иной плоскости, нежели привычное представление о городе.

Город возможен прежде всего как онтологическая идея, конституирующая и организующая повседневную жизнь людей. Идея города лежит в этом смысле в действительности мышления, а не натуральных форм.

Не камень и гранит, а слово и смысл организуют тело идеи города.

А вещная форма лишь обрамляет идею города. В вещи идея каменеет, застывает, как лава когда-то взорвавшегося вулкана.

Мы ходим по улицам среди домов, топчем асфальт, и думаем, что ходим по городу.

В то время как город – образование идеальное, то есть это форма идеи, определяющая в дальнейшем способ и образ жизни человека.

Итак, объекта города нет и быть не может. Он полагается лишь в выстраиваемой, искусственно организованной задним числом рефлексии проектировщика как сложный системный объект и тем самым становится действительностью через мышление, впрочем, не переставая быть и некоей натуральной данностью в виде зданий, улиц и мостов.

Город нельзя положить как некий готовый объект и изучать его, препарировав его структуры. Хотя объектно, натурально есть места обитания человека, в которых нагорожено много всего. Это левиафаны со своей морфологией, семиотикой, инфраструктурой, производством. В них человек-индивид утерян и погребен. Это такие саркофаги, гробы людей.

Эти гробы не соответствуют культурной идее Мирового Города-Храма, поскольку они – не Врата Бога. Это помойные ямы человечества, в которых много дерьма, всяких отходов от человеческой деятельности, в которых иногда встречаются и драгоценные жемчужины. Эти артефакты некоторые сумасшедшие одиночки выставляют в отдельных местах, называют эти места музеями, организуют им смотрины. Люди ходят на эти смотрины, любят, причмокивают, качают головами, выходят – и тут же плюют и грызут семечки.

Итак, в исходном, культурном смысле нет Города и на Западе!

Я полагаю, что быть горожанином – не значит жить в каменном мешке, топтать асфальт, вечером тусоваться в кафе или на светских раутах. Быть горожанином – значит «городить», строить «нерукотворенный Храм» души своей, заботиться о себе (в духе древнегреческой эпимелей), огораживать себя от всякой нечисти, идти на казнь, на площадь ради онтологического аргумента, как Сократ или Христос, поскольку без него ему – не жить.

Горожан в этом смысле было не так много. Столько, сколько людей культуры. Иисус Христос, например. Или Сократ. То есть «идiotы», сугубо частные лица, не занятые в политических делах интенсивной городской жизни. Или, например, Петр Чаадаев, проживший затворником во флигеле половину жизни. Или А.С. Пушкин, не любивший город, но обожавший Болдино и Михайловское.

Город как онтологическая идея

Я согласен с исследователями, которые полагают город как сложный популятивный объект. Да, конечно, город может быть рассмотрен как сложный, системный, многоуровневый объект. Все так. Только тогда чем отличается такой сложный системный объект, как город, от такого же сложного явления, которое также может быть положено как объект – от «социума»? Или от такого объекта, как «регион»? Названные уровни и модусы можно так же выделить в любой сложно организованной форме жизнедеятельности. Собственно идея города в таком сложном многоуровневом рассмотрении пропадает.

С чего начинается идея города? С сочетания всех этих слоев? А.Э. Гутнов и В.Л. Глазычев предлагают выделять базовые процессы, приводящие к образованию и развитию городов. В качестве таковых, например, они называют процессы интеграции и концентрации форм и сфер человеческой деятельности [8]. Именно они должны быть положены в основании процесса урбанизации.

Помогает ли это нашему пониманию? Получается, что там, где происходит сочетание процесса интеграции и разделения функций между различными частями единого целого – там и рождается город. Но этого мало. В этом концентрированном пространстве должно образоваться пространство свободы для конкретного человека. В этом пересечении концентрации и свободы и рождается феномен городской жизни.

Так с чего же начинается город? Именно город как культурная форма, а не как некое место, исторически обусловленное войной или торговлей (город-крепость, город-резиденция, город-ярмарка).

Каким образом город вообще существует? Специфика таких феноменов как город состоит в том, что они существуют именно потому, что есть некоторые группы людей, которые допускают для себя, что они, эти феномены, существуют. Равно, как идеальная точка или понятие движения, или идеальный газ существуют для математиков и физиков.

Так же, как любые понятия – это такие же идеальные конструкты-модели, действительность которых допускается и выстраивается как отличная от натуральной реальности и не отзеркаленная от последней форма, не равная эмпирическим явлениям. Как писал Ф. фон Хайек, существуют только конкретные индивиды, обладающие идеями и действующие на основе этих идей. А такие «вещи», как «классы», «общества», «государства» – это понятия-модели, которые конструируют те же индивиды. Но их нельзя называть такой же реальностью, каковой мы считаем природу, лес, речку, солнце [26].

Люди вообще живут не в натуральной реальности. Они создают конструкции действительности и в них живут. Так же и с городом. Его надо построить как идею в мышлении и в ней жить.

Город начинается с Идеи Города. Он начинается тогда, когда человек начинает огораживаться, организовывать вокруг себя пространство, ища некий центр в нем. А необходимость огораживания возникла тогда, когда человек был изгнан из сада-рая, когда он оказался предоставлен самому себе. С этим связано стремление вернуть, установить утраченный рай как Храм Божий, и тем самым спастись от страха и одиночества. Город становится такой формой замены Града Божьего, формой восстановления утраченного рая.

Таким образом, город (в смысле метафизической идеи) рождается как результат культурной рефлексии, осознания человеком себя как метафизического существа, потерявшего Бога и пытающегося найти новую форму-копию Бога, каковой и становится собственно Город. В этом смысле Город является формой спасения и исцеления заблудшего человека желанием.

Метафизическая идея этой формы-копии Бога есть, по сути, идея собирания пространства вокруг центра, который мыслится как центр мира, точка мира (пуп земли, омфалос), место, в котором рождается мир и через сопричастность к которому мир вновь всякий раз возрождается¹.

В этом смысле город начинается с Храма Небесного, «нерукотворенного».

¹ В жизни русского мыслителя М.М. Бахтина и его брата Николая был такой факт [1]. В студенчестве, когда они учились в университете в Санкт-Петербурге, они создали кружок, который назывался «Омфалос» (пуп). Их мыслительные средоточия центрировали их духовную жизнь и создавали осмысленность обитания. Через философский кружок Омфалос, духовный пуп земли, они городили свою жизнь. Равно как и потом Михаил основал свой философский кружок в провинциальных Невеле или Витебске, куда сбегала питерская интеллигенция из голодного Питера. Это самое огораживание и нагромождение собственных пупов земли характерно для многих интеллигентских собраний. Свой город-огород городил и Г.П. Щедровицкий через московский методологический кружок. То же самое делал Ю. Левада с социологами. Или Л. Коган с архитекторами.

С одной стороны, для идеи города необходима идея Града Небесного, Града Духовного. Но с другой стороны – нужен Град Земной, Град душевный. На встрече двух Градов начинается строительство. Два Града – это суть два тела (согрома), в которых обитают душа человеческая и Дух Божественный.

Въезд в такой город суть метафора въезда во Врата Божьи, врата рая. Это встреча с Богом [25].

Строительство города небесного на земле начинается со строительства тела души, вместилища ее, то есть личности, этой сложно организованной корпорации.

Личность и есть тело, согрома, собственно форма, обрамляющая и структурирующая эфирное, струйное, душевное течение, оседающее в форме личности, то есть в ее «культурных органах» – в символах, образах, вещах, понятиях, которые надстраиваются над природным, материальным телом, преодолевая страстность этого тела, его стихийность, обрамляя и организуя его.

Град начинается не с камня и стекла, не с бетона и дерева, а с идеи формы для организации душевного и духовного пространства человека.

Храмы, стены, площади, улицы – это материальные воплощения культурной формы, символы и образы душевно-духовной личностной организации. Камень и стекло – суть воплощения города-собора (как сбора, собрания человека). Кстати, М. Хайдеггер *logos* древних греков и *legere* (собирать) выводил из одного культурного этимона, идеи Единого, идеи собрания человека в круте бытия [27]. Познавать, постигать бытие – значит собирать себя в точку через единство мира, вести поиск точки мира. Точкой мира, его средоточием и становится Город.

Естественным продолжением города-собора, града небесного, нерукотворенного, становится идея строительства личности как Храма, воплощенного в телесной оболочке, то есть в форме символа. Церковь – тело Христово. Храм – Дом Бога. Внутренняя и внешняя форма слова, тело слова, телесность как форма-вместилище души – на этих метафорах-символах строится христианская антропология у о. П.А. Флоренского [24].

Воплощением такого понимания является идея органопроекции, которую развивал о. П.А. Флоренский, взяв этот термин у Э. Каппа, специалиста по философии техники. Идея заключается в том, что орудия, вещи, которые создает человек, создаются по его образу и подобию. Они антропоморфны. Они являются фактически продолжением человеческого тела. Так называемый внешний тварный мир одушевлен, он не оторван от индивида, от субъекта-творца, который сам творит мир по образу и подобию Божию. Мир состоит из символов, имен, понятий, образов, чисел, орудий, которые суть органы человеческого, символического тела, тела неорганического.

Отец П.А. Флоренский писал, что глаз есть не что иное, как «*влечение к свету*, но это самое влечение, в другом порядке, однако, внешнем, как и самый орган, созидает камеру-обскуру, телескоп и микроскоп... И, следовательно, камера-обскура может рассматриваться как *символ* того внутреннего движения жизни, которое мы имеем при себе, в непрестанном органическом усилии осуществления, как глаз» [24, с. 171].

После сказанного может быть понятным утверждение, что город есть огромный увеличенный органон человека. Это скопище органопроекции. Город в целом есть органон культуры, состоящий из культурных, символических тел. Город – это квинтэссенция культурных тел.

И как органическое тело человека является системой его отдельных органов, так и город является органом символических тел человека, его, человека, органопроекцией.

Город рассматривается как символическое тело человека. И в таком случае: либо он становится культурным хранилищем его органов, либо он становится панцирем-склепом, его могилой. Как писал Блаженный Августин, «для души тело человеческое есть оковы и гробница» [13, с. 314]. В этом случае человек как бы распинает себя на собственном символе, сам себя закапывает в собственное чудовищное творение. Но это происходит, если человек забывает, что город – это Град Божий.

Итак, возвращаясь к главной онтологической идее, зафиксируем: идея города (града) рождается как идея единства Града душевного (личности, имеющей свое символическое тело) и Града духовного (культуры, имеющей свое символическое тело). По христианской же традиции, город есть единство Града Небесного и Града Земного.

На встрече этих двух линий строится Град Божий.

В свое время Блаженный Августин мыслил всемирную историю как борьбу двух Градов – Града Божьего (*Civitate Dei*) и Града Земного (*Civitate Terrena*).

Историософскую концепцию Августина оставим в стороне для отдельного разговора. Что же касается идеи города, то остановимся на фразе Августина, вынесенной в качестве эпиграфа к данной статье: «Создали две любви, два Града – Град Земной – любовь к себе до презрения к Богу; Град же Небесный – любовь к Богу до презрения к себе» [13]. В борьбе с манихейством (своим собственным прошлым) Августин увлекся, расколов цельное Бытие, Единое, на два Града.

Но идея осталась: мир есть Град Божий, творимый человеком через синергию с Богом, по его образу и подобию.

И сам город является продолжением его, человека, тела, его органопроекцией.

Творение города суть манифестация, символическая форма этой синергии. В идее города воплотилась идея сотрудничества Человека и Бога. Здесь – источник старых и новых урбанистов, нынешней и грядущей философии урбанизма. И тогда можно говорить о действительности города как о культурном ландшафте, на котором он может выстраивать свою траекторию и осуществлять свое рефлексивное путешествие².

Важно то, что Град Божий Августина – это не отдельно взятый город-полис. Это модель всемирного сообщества. Фактически здесь речь идет о всемирном сообществе людей. Город в этом плане есть сообщество людей, живущих в единстве во имя Единого (Бог, Бытие суть его аналоги).

В итоге идея Города реальна лишь как идея Мирового Города, открытого Города, в котором находят себя не только все люди-граждане мирового города, но и живущие в среде, городской не являющейся. В этом смысле городское сознание – это сознание граждан мира, горизонты которого принципиально открыты.

С идеями Августина о двух Градах пересекается ветхозаветная традиция толкования двух городов – города-девы и города-блудницы [23].

В этой традиции с одной стороны рассматривается линия сотворения Града Божьего, который становится Вратами Бога (Баб Эл, Вавилон), а с другой стороны – он же становится чудищем, городом-дьяволом («вавилонская блудница»).

С одной стороны, Иерусалим рассматривается как город-дева, символ брака города и Иисуса Христа, въезжающего в него на осле. С другой стороны, город становится развратной девкой, которой овладевают силой. Взятый и плененный город – это изнасилованная девка, падшая женщина. Сначала город создан как неприступная крепость, непорочная дева (Град Божий), потом им овладевают, его берут силой, он теряет свою непорочность.

² См., например, культурные ландшафты С. Кьеркегора или М. Хайдеггера, которые выделял В.А. Подорога в их жизни: [16], а также о лабиринте как о линии траектории пути по городу-храму: [22].

Собственно, эта культурная метафора может быть применена к любому реальному городу. Сначала город замышляется как Град Божий, как символ силы и власти, затем он становится помойкой, свалкой человеческого мусора.

Итак, в исторической ретроспективе город выступал как форма эманации Бога, мыслился как воплощение божественной идеи. «Небесный Иерусалим создан Богом в то же время, что и Рай, то есть *in aeternum*. А город Иерусалим был не более чем примерной копией небесной модели», отмечал М. Элиаде [28, с. 45].

Этот Град вступает в борьбу с Градом земным, греховным, дьявольским, который в конце концов побеждает. Город-крепость сдается на милость победителю, его грабят и насиляют.

Но есть шанс возродиться, поскольку исходно сохраняется сама идея города как формы собирания человека в точке мира. Поскольку всякий город есть образ и подобие точки мира, модель божественной идеи, копия Города-Храма, Всемирного Града, который человек строит по примеру творца, первого строителя мира.

Будучи формой воплощения небесного града, Город как целое сам выступает в качестве высшей ценности культуры.

К примеру, в русских городах каждый год, на литургиях, крестный ход ходил кругом по линии городской черты, по кругу города, и всякий раз ритуал возобновлял город в сознании людей, восстанавливал целое города в горизонте городского сознания [2]. Исследователь Г.З. Каганов пишет, что к одной из базовых мифологем русского города (идеального города) относится мифологема образа открытого пространства (простора) как образа преодоления смерти и Хаоса [9, 1, с. 42]. С этой точки зрения спорить о том, что лучше – компактность западного города или простор русского – бессмысленно, поскольку речь идет не только об удобствах коммуникаций и транспортных развязок, но и об архетипах национального сознания. Большинство мифологий (не ведая этого) унаследовало эту мифологему, воплотившуюся в широких улицах, растянутых городских пространствах.

Но все пространства при этом все же тяготели к центру, к месту, исторически считающемуся местом рождения Храма Божьего. Чем ближе к центру, тем ближе к точке мира. Жить в старом центре города – значит быть (или, поселившись, стать) как бы бесспорно истинным горожанином, как бы обладателем всех культурных богатств данного города [9, 1, с. 39]. Эти богатства понимались как манифестация высшего начала, Единого. Оно воплощается в центральных конструкциях, на которых как на скелет садилось все остальное тело города. Деградация городской среды начинается с выпадения, с вымывания этих культурных центров.

Вопрос при этом заключался не в самих по себе культурных памятниках. Ф. Разумовский пишет, что не в «памятниках культуры» дело, а в образе всей среды... Основополагающие бытийно-философские категории подвергались пространственному претворению в наглядно конкретном ландшафтном зрелище. Пространственные образы проповедовали, свидетельствовали об Истине, наставляли на Путь и склоняли к добру, в них доминировало руководительное начало. Отсюда и глубина воздействия зрелища города» [18, с. 43].

Симптоматично то, что жители городов идеалом города, городской среды, городской культуры, считают как раз старый город, старый центр, место и пространство обитания в старину, в которых сосредоточены образцы традиционной культуры. Жители из окраин, из жилых массивов, считают свое место просто местом обитания, ночевки, работы, но не городом. Они едут на праздник в исторический центр города, который в экономическом плане зачастую давно перестал быть центром, но остается центром духовным.

Города современные, города-монстры, города-фабрики потому и не могут быть городами, поскольку лишены этих духовных центров, этих культурных корней. Они не создавались по образу и подобию Града Божьего, а потому они как бы вне истории.

Причем, исторический образ города, замечает Г.З. Каганов, его смысловой глубинный центр, который внешне не всегда явлен буквально, – он умопостижаем, трансцендентен, он постигается исторической рефлексией. И образ города будет таким, каким его порождает историческая рефлексия, которую осуществляет сам носитель акта рефлексии, то есть горожанин. То есть жителю еще предстоит стать горожанином.

Историческую рефлексия проделывает не обязательно сам житель города. Здешний житель живет внутри формы города, он врос в его структуры, является составной частью городской среды. А путешественник, специально приехавший сюда, приезжает с умозрением, со специальной оптикой мышления, которая позволяет ухватить, зафиксировать идею города, которая окаменела в памятниках, в камне и железе.

Парадоксально то, что идея города лучше постигается не столько его жителем, сколько временщиком-наездником, сторонним наблюдателем.

Таким образом, опять получается, что хоть город и воплощен в камне, хоть он и существует как реальность в виде домов и улиц, все же он становится действительностью лишь в мышлении как предмет исторической рефлексии, субъектом которой становится сообщество путешественников, то есть людей, которые строят путь по улицам города и выстраивают его культурный ландшафт у себя, на своей карте в дневниках наблюдений.

И след города ясен и четок не в текстах памятников, а в текстах книг этих путешественников, на их картах, в их стихах, романах и трактатах, записках путешественника.

Город историчен не потому, что в нем много памятников прошлого, замечает Г.З. Каганов, и не потому, что они включены в городской быт, а потому, что «есть некто, для кого эти памятники и их участие в текущей городской жизни составляют предмет специальных переживаний и специальной рефлексии» [9].

Четыре возраста идеи города

В заключение рассмотрим возможный вариант возрастной периодизации города, если его представить как некоего субъекта развития.

Итак, еще раз. Идея города нужна была человеку для того, чтобы преодолеть ужас перед пустым пространством, перед Хаосом и пустотой, перед Ничто.

Нужна была форма, крепь, оформляющая дух, укрепляющая его, помогающая выстоять, выдержать страх перед Ничто, перед Пустыней, Степью, Хаосом, Тьмой, Небытием.

Но далее идея города начинает переживать собственный метаморфоз, какой переживает всякий субъект развития.

В принципе можно представить себе город как субъекта развития, имеющего свою траекторию развития, свои циклы, эпохи, свой культурный возраст.

В основание периодизации положим концептуальную идею периодизации действительности культурного развития человека, которую мы изложили в предыдущих работах [19].

В сжатом виде она выглядит следующим образом.

Исходной онтологемой в культуре является идея Единого, или идея Бытия. В результате допущения идеи развития Единое раскалывается на составные части – идеи Бога и Человека. Далее процесс расщепления неостановимо идет вширь. Еди-

ный Мир раскалывается на новые части-миры. Последние одновременно являются также попыткой человека восстановить утраченную целостность. Это миры Мифа, Деятельности, Природы, Техники. В основании каждого мира лежит базовая онтологическая идея. Каждый мир человек пытается восстановить с помощью базовой культурной практики.

Мир мифа порождается практикой подражания образцу, который сотворен во Время Оно.

Мир Деятельности порождается практикой проектирования и осуществления трансцендентального сдвига.

Мир Природы порождается практикой объективирования и полагания мира как объекта, в виде карты исследования и описания свойств этого мира.

Мир Техники порождается практикой организации и инженерного устройства среды.

Если представить город как субъект развития, то соответственно этим онтологемам идея города переживает как минимум четыре возраста.

Миф Города

Город состоит из двух Градов – Града Небесного, Горнего, и Града Земного, Дольнего. Город создан как копия-форма Града Божьего, как результат поиска точки мира. Создается на чистом месте, в чистом поле, в благом, непорочном пространстве. Город мыслится как наследник святых традиций (Москва – Третий Рим, Новый Иерусалим и т.д.). Город мыслится как мечта о Благе, о божественном обитании, о месте спасения, в котором всего вдоволь. Он красив, над ним сияет божественный свет.

Проект Города

От Божественной идеи Града люди переходят к его строительству, воплощению. Город создается искусственным образом. Он проектируется в чертежах и воплощается в камне. Город выступает как форма освоения пустого пространства. Город становится сложным инженерным сооружением со своими домами, улицами, коммуникациями, транспортом, центром и периферией, всей инфраструктурой.

Природа Города

После строительства Город выкладывается на карту как целостный объект и исследуется как готовый. Ему приписывается качество объектности, готовности свойств. Он похож на природный объект. Город имеет ландшафт, в котором есть разные слои, уровни. От него отслаивают разные культурные уровни, дабы представить – из чего он сделан как природный объект.

Техника Города (Машина Города)

Выстроенный Город становится органопроекцией человека. Пространство человека, его телесность, удлиняются. Город становится проекцией тела и культурной формой тела личности. Городом управляют как живым организмом. Формируется городская политика как управление жизнью сообщества. Выстраивается городская среда с точки зрения ее технической организации. Например, вводится золотое сечение средневековой архитектуры как принцип строительства или модуль Ле Корбюзье.

Это четыре возраста идеи города, а не реального города. Но важно, чтобы идея города прошла все четыре возраста и сохранила в себе все четыре базовые действительности. Если какая-то выпадает – цельность и полнота идеи теряется, и мы получаем идеи-монстры, воплощающиеся в каменных чудовищах.

Если принять за точку отсчета идею культурного цикла, то в качестве резюме скажем следующее: идея города прошла на Западе полный культурный цикл своего становления, потом ее, готовую, с готовыми формами, пересаживают на российскую почву. Но Россия как субъект развития полного культурного цикла развития

никогда не проходила. Этот цикл всякий раз останавливался на разрывах. От мифа – сразу к реализации, к организации и техническому воплощению, и обратно – снова к новому мифу. В этом смысле идея Города в России инвалидна и уродлива, поскольку состоит не из всех культурных частей. Отсутствующие же части она заменяет суррогатом или за счет удлинения имеющихся. Этим объясняется обилие мифологем города, и одновременно – обилие каменных монстров-чудовищ, не пригодных для жилья.

Вместо заключения. Похвала Городу

«И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: я, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними, они будут его народом, и сам Бог с ними будет Богом их...

Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – Храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец...

Ворота его не будут запираются днем, а ночи там не будет...

И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни...

Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами...» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 21–22).

Литература

1. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 342 с.
2. *Бондаренко И.А.* «Дивно место сне...». Градостроительные идеалы Древней Руси // Человек. – 1996. – № 3.
3. *Бродский И.* Меньше единицы. – М., «Независимая газета», 1999.
4. *Глазычев В.* Слободизация страны гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – М., 1995.
5. *Глазычев В.Л.* Город без границ. – М.: Изд. дом «Территория без границ», 2011. – 400 с.
6. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия. 2000–2002. – М.: «Новое издательство», 2004.
7. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. – М.: Европа, 2008. – 220 с.
8. *Гутнов А.Э., Глазычев В.Л.* Мир архитектуры: Лицо города. – М.: «Молодая гвардия», 1990. – 350 с.
9. *Каганов Г.З.* Среда обитания и образы истории // Человек. – 1997. – № 1, 2.
10. *Коган Л.Б.* Быть горожанами. – М.: «Мысль», 1990.
11. *Коган Л.Б.* Демократия без городов? – Новосибирск: «Автор-Полис», 1993.
12. *Коган Л.Б.* Требуются горожане! – М.: Издательский дом «ГРААЛЬ», 1996.
13. *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. – М.: «Мысль», 1979.
14. *Мамардашвили М.К.* Вена на заре XX века // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992.
15. *Лотман Ю.М.* Город и время // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. – СПб. – Вып. I. – 1993.
16. *Подорога В.* Метафизика ландшафта. – М.: «Наука», 1993.
17. *Розанов В.В.* Последние листья. – М., 2000.
18. *Разумовский Ф.* Большое пространство малого города // Наше наследие. – 1989. – VI (12).
19. *Смирнов С.А.* Культурный возраст человека. – Новосибирск: Офсет, 2001.
20. *Смирнов С.А.* Философия города (образы города в культуре) // Мастер-класс. – 1996. – № 1.
21. *Смирнов С.А.* В поисках метафизического героя русской истории или снова о русском Гамлете // Вестник НГУЭУ. – 2009. – № 9. – С. 172–187.
22. *Стародубцева Л.В.* В лабиринтах сознания // Человек. – 1999. – № 1–3.

23. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // В кн.: Исследования по структуре текста. – М.: «Наука», 1983.
24. *Флоренский П.* У водоразделов мысли. Органопроекция // Символ. – Париж. – 1992. – Т. 28.
25. *Фрейденберг О.М.* Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // В кн.: Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Восточная литература, 1978.
26. *Хайек Ф. фон* Познание. Конкуренция. Свобода. – М.: «Пневма», 1999.
27. *Хайдеггер М.* Гегель и греки // Время и бытие. – М.: «Республика», 1993.
28. *Элиаде М.* Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994.

1999 г. – 2012 г.